

ТИХОНУ ХРЕННИКОВУ - 90 ЛЕТ

«ОТЕЦ ЗАВЕЩАЛ МНЕ ДВЕ ЗАПОВЕДИ...»

— Тихон Николаевич, через несколько дней вам исполнится девяносто. И хотя родились вы в провинции, большая часть вашей жизни связана с Москвой. Как давно завязался роман со столицей?

— Я перебрался в Москву из Ельца Липецкой области пятнадцатилетним мальчишкой. Но в своем родном городе часто бываю, минимум раз в год, поэтому связан с ним по-прежнему очень теплыми узами. В доме, где я родился, организован музей, пристроен небольшой концертный зал, есть училище искусств моего имени. Ко мне очень хорошо относятся, хотя моих родственников там практически не осталось. Разве что самые дальние — глубокие старики и старухи...

— Вот вы приезжаете в Елец, вспоминаете детство, рассказываете какие-то яркие эпизоды... Или уже забыли?

— Душенька, город, в котором ты родился, — самое святое место на земле. Для меня лучшего на свете нет. Это маленький городок — правда, недавно он стал университетским, там на базе педагогического института открыли университет, в котором столько же факультетов, сколько в МГУ. И это — духовный центр Липецкой области, туда приезжают учиться молодые люди со всей России! Там две музыкальные школы, музыкальное училище, хореографическое училище... Елец знаменит еще и своими кружевами — это потрясающее искусство, оно имеет мировую ценность. А раньше это был хлебный город, первый элеватор был построен в Ельце. Здешние купцы вывозили хлеб за границу и продавали его даже в Париже.

— Вы с такой любовью говорите о своей родине... И все же именно Москва дала вам все — любимую супругу, руководство Союзом композиторов, шикарную квартиру рядом с Арбатом, в которой мы сейчас беседуем. Вообще как так вышло, что уже в 35 лет вы стали руководителем Союза композиторов СССР?

— Это произошло в 1948 году. До этого десять лет существовал Оргкомитет композиторов, который возглавлял Рейнгольд Морицевич Глиэр, а заместителем его был Арам Ильич Хачатуян. В 48-м году Сталин решил превратить Оргкомитет в Союз и назначил меня руководителем секретариата. Председателем стал Борис Владимирович Асафьев, академик, автор балета «Пламя Парижа». Глиэр и Хачатуяна тогда отстранили от работы, а через несколько месяцев Асафьев умер и я остался «руководить» один. С тех пор каждый раз меня избирали тайным голосованием — вначале генеральным, а после смерти Сталина — первым секретарем. Хотя за этот пост я не держался, не отпускали до 91-го года. Когда в конце 91-го окончательно развалился СССР, я вышел из своего кабинета и захлопнул дверь — на этом закончился Союз композиторов СССР.

— Сложно было в сталинские времена?

— Сложно — это очень мягко сказано. Но я всем старался помогать, никого не «сдавал». Когда опустился «железный занавес», с Запада стали поносить все русское. Сталин в ответ объявил борьбу с западным влиянием. Под «раздачу» попали несколько известных композиторов, их огульно обвинили во всех грехах — Сергея Прокофьева, Арама Хачатурина, Виссариона Шебалина. Это имело демонстративный политический характер. Но я не дал их в обиду. И уже через полтора-два года эти люди стали получать награды, Сталинские премии. В том, что они не были репрессированы, есть и моя заслуга. Я дружил с Шепиловым, который вместе с Георгием Федоровичем Александровым тогда возглавлял Агитпроп, доверяли мне и секретари ЦК по идеологии Петр Поспелов и Михаил Суслов. Но я никогда не пресмыкался перед ними, просто

убедительно говорил то, во что сам верил.

— Говорят, что в 60-70-е годы вы дружили и с главой правительства Алексеем Косыгина, и уже через него помогали многим деятелям искусства...

— Алексей Николаевич был выдающимся человеком. А познакомился я с ним через его супругу — Клавдию Андреевну, с которой мы подружились, когда были шефами одного детского сада. Она меня представила Алексею Николаевичу, мы стали общаться. Вместе катались на коньках, встречали почти всегда Новый год на даче. Хорошо дружили и с дочерью Косыгина Людмилой и ее супругом Джарменом. К сожалению, они все уже умерли. С Сусловым тоже нормально общались, но дружны не были, хотя Михаил Андреевич частенько приглашал меня к себе, показывал письма, в которых мои коллеги, не буду называть имен, «сигнализировали», что я «покрываю евреев», потому что моя жена еврейка. Это было во времена борьбы с космополитизмом.

— Ваши дети и внуки пошли по творческой стезе?

— Да, моя дочь театральный художник. Двадцать лет проработала в музикальном театре Покровского главным художником и сейчас сотрудничает с музыкальными театрами. Например, оформляла мои спектакли — мюзикл по пьесе Маршака «Чудеса, да и только», балет «Капитанская дочка». Внук, Андрей Кокарев, тоже творческий человек — окончил факультет международной журналистики МГИМО, занимается кино, возглавляет организацию, которая пропагандирует зарубежные фильмы. Правнук, Тихон, играет на рояле, ему пока только пятнадцать.

— В вашем кабинете рядом с портретом жены всегда живые цветы... Мне говорили, что такую счастливую пару надо было еще поискать.

— К сожалению, Клара умерла больше полутора лет назад. Она действительно сыграла в моей жизни огромную роль. Мы с ней прожили 66 лет, когда я женился, мне не было еще и 23-х, а она немного старше. Приехала с Украины, из Житомира, девичья фамилия — Вакс. Изумительная была женщина, если кому такая попадется — это счастье. Она была журналисткой, во время войны работала в «Совинформбюро», знала меня с поэтами, писателями — Александром Фадеевым, Твардовским, Михаилом Светловым. Не раз спасала от депрессии, и раза два — от смерти. Во времена борьбы с космополитизмом я никого из композиторов не давал арестовывать, ни один человек не был репрессирован. Но в результате — тяжелейшее нервное истощение. Меня послали лечиться в «Барвику». Семнадцать суток я не спал, начались галлюцинации. И Клара тайком увезла меня оттуда, в нарушение всех больничных правил, выхаживала дома, как младенца. Буквально вытащила с того света!

— Меня поражают ваш молодой задор, энергия... Как удается все это сохранять? Какие-то упражнения делаете?

— Каждый день делаю зарядку, это уже закон. А еще — несколько заповедей, по которым живу. Их мне завещал отец. Первая: никогда не приходи в восторг от своих успехов, если они у тебя будут, и не огорчайся по поводу неудач. И вторая: живи сам, давай жить другим, если есть возможность — помогай. Моя супруга, кстати, внимательно следила: если ко мне кто-то обращался за помощью, обязательно надо было сделать все, что я мог. А возможности были — как у депутата Верховного Совета СССР, кандидата в члены ЦК КПСС. И еще Клара следила за тем, чтобы я не особенно поглязел в своих успехах. Дома у меня никогда не было никаких культов, сугубо рабочая атмосфера...

В юности мне ведь тоже помогли очень талантливые и известные люди. Вначале Гнесинины, которые приютили меня в Моск-

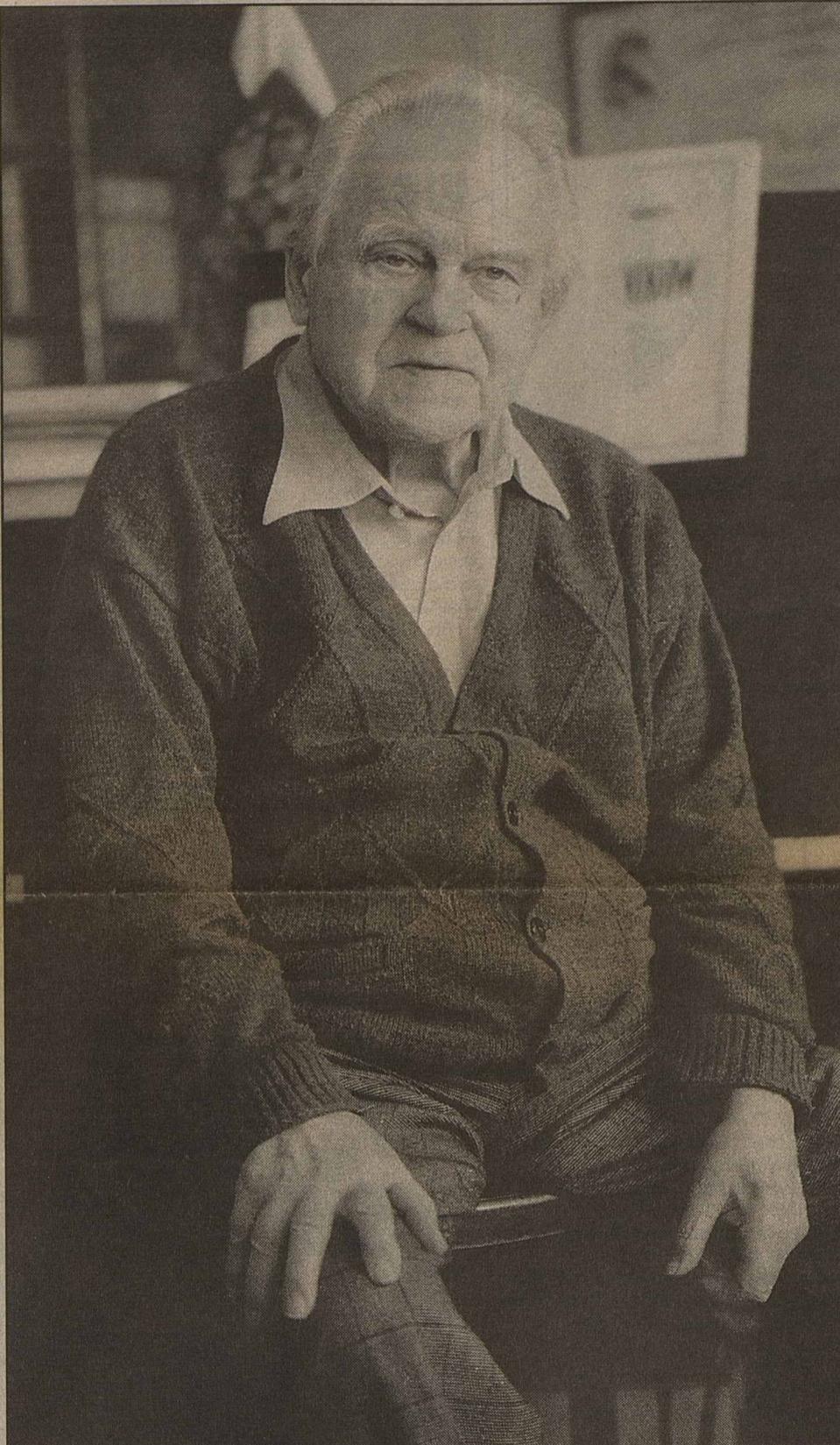

Фото Игоря Иванчикова

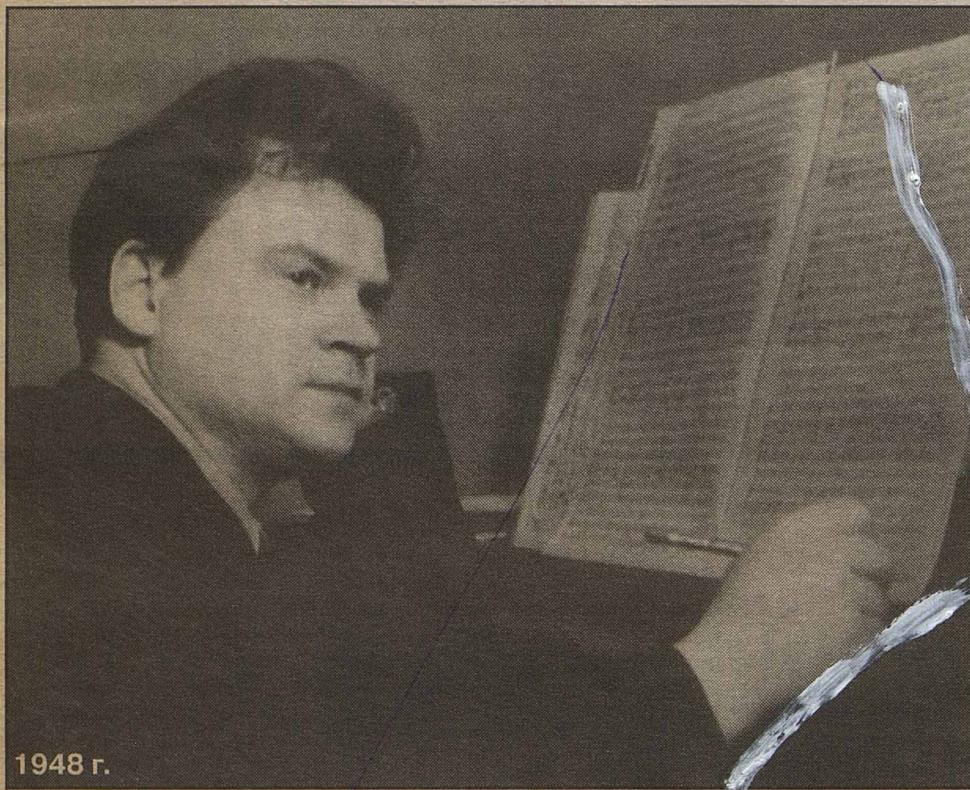
Досье «ВК»

Выдающийся российский композитор, народный артист СССР (1963), Герой Социалистического Труда (1973) Тихон Николаевич Хренников родился 10 июня 1913 года в Ельце. Ученик Виссариона Шебалина, Генриха Нейгауза и Генриха Литинского, выпускник (1936) и профессор (1966) Московской консерватории. В 1941-54 годах заведовал музыкальной частью Центрального театра Советской Армии. Генеральный (с 1948), 1-й (с 1957) секретарь правления, председатель (в 1990-91) Союза композиторов СССР.

Творчество Тихона Хренникова охватило практически все музыкальные жанры — опера и балет, симфоническая и инструментальная музыка, массовая и лирическая песня. Среди самых известных сочинений: оперы «В бурю» (1939; 2-я редакция 1952), «Фрол Скобеев» (1950; 2-я редакция, под названием «Безродный зять», 1967), «Мать» (1957), «Золотой теленок» (1985); балеты «Любовью за любовь» (1976), «Гусарская баллада» (1979); оперетта «Сто чертей и одна девушка» (1963); три симфонии. Он написал великолепную музыку к спектаклям родного армейского театра («Давным-давно», «День рождения»), Театра имени Вахтангова («Много шума из ничего», «Дон Кихот»), к кинофильмам: «Свинарка и пастух» (1941), «В шесть часов вечера после войны» (1944), «Донецкие шахтеры» (1950), «Верные друзья» (1954), «Гусарская баллада» (1962), «Дуэнья» (1978), «Два товарища» (2000).

Лауреат Ленинской (1974), трех Сталинских (1942, 1946, 1952), Государственных премий СССР (1967) и РСФСР (1979). Кавалер трех орденов Ленина (1963, 1971, 1973), ордена Трудового Красного Знамени (1966) и ордена Почета (1998).

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

1948 г.

ве, я жил несколько лет в этой семье. Потом Немирович-Данченко, он очень тепло ко мне относился и заказал первую оперу — мальчишке, только что окончившему консерваторию. Помог Иван Пырьев, с которым я делал первые фильмы, — он попросил меня написать музыку к картине «Свинярка и пастух», потом к фильму «В шесть часов вечера после войны». До сих пор дружим с Володей Зельдиным, который играл главную роль в фильме «Свинярка и пастух». А вот с Мариной Ладыниной отношения разладились с возрастом. И у нее, да, наверное, и у меня, характеры испор-

тились. Мы, конечно, общались, но не так тепло... Извините, отвлекся на воспоминания. Так вот, людям старался помогать, потому что у меня были возможности, в том числе материальные. Союз композиторов был богатой организацией. В год мы имели двадцать миллионов рублей. У нас были дома творчества, свое издательство, свое бюро пропаганды. И всем этим я распоряжался.

— **При всем том вы достаточно скромно живете...**

— Я никогда не был стяжателем, впрочем, как и бессребреником. Деньги нужны,

чтобы одеваться, питаться, путешествовать. Но моя жена за всю жизнь даже не спросила, сколько я зарабатываю. Ее не интересовало. Мы всегда принимали друзей, могли накрыть стол, ездили за рубеж к друзьям, и они к нам приезжали. Денег хватало. Много их не было, чтобы с жиру беситься, но и копейки не считали. Это нормально

— **А как отдыхаете любите?**

— Я вообще не люблю отдыхать. Но месяц в году мы обязательно с женой проводили в Крыму, а потом в Барвихе. Там общались с Игорем Александровичем Моисеевым, Галиной Сергеевной Улановой... Пока не стал совсем плохо видеть, я любил читать и перечитывать классику — русскую зарубежную. Ходил в театры — в основном на оперу и балет в Большой и театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Но сейчас практически из дома не выбираюсь. Вот Путин недавно пригласил — пришлось собираться, выходить...

— **Тихон Николаевич, скажите, вас, этого пожившего и пережившего, чем-нибудь можно?**

Конечно! Вот вам пример. Вскоре после распада СССР мы вместе с Евгением Светлановым поехали в Париж. У меня там был творческий вечер. Сидим в ресторане, обедаем, и вдруг маленький оркестр начинает исполнять нечто знакомое. Светланов говорит: «Тихон, это же твоя музыка — «Московские окна». Подозревали скрипача, спросили откуда вы взяли эту мелодию? «Я, — говорит, — был в Москве, услышал ее по радио, мне понравилось, записал, сделал аранжировку. Сейчас под нее танцуют во всех ресторанах Парижа. Она стала самой популярной». А «Московские окна», между прочим, были написаны по просьбе Григория Александрова, ему нужна была песня для фильма «Русский сувенир», чтобы ее исполняла Любочка Орлова. Я сочинил мелодию, но тут понадобилось срочно

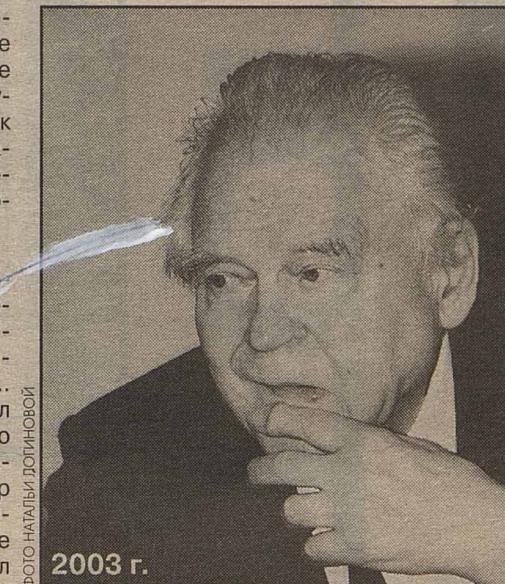

ФОТО: НАТАЛЬЯ ДОЛНОВОЙ

2003 г.

выехать в командировку, закончить работу я не успевал и попросил написать музыку к фильму Кирилла Молчанова, отца нынешнего популярного телеведущего, что он и сделал. А где-то в начале 60-х позвонил мне Леонид Осипович Утесов и спросил, нет ли у меня песни для его новой программы. Я ответил, что никогда песен специально не писал, а сочинял их либо к театральным постановкам, либо к кинофильмам. А потом вспомнил: да, есть одна мелодия — написал для Любови Орловой, но, оказалось, не судьба. Утесов приехал, послушал и говорит: это то, что надо! А слов-то нет. Мы позвонили поэту Михаилу Матусовскому и он на эту мелодию сочинил замечательные стихи. И родилась песня, которая неожиданно даже для меня самого стала шлягером не только того времени, но и 90-х годов. Вот ведь как бывает...

Встречался Андрей КНЯЗЕВ